

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ ГОВОРОВ
МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

В зону могилевско-смоленского пограничья условно включается часть территории Горецкого, Мстиславского, Кричевского, Климовичского, Ходимского районов Могилевской области и Краснинского, Монастырщинского, Хиславичского, Шумячского, Ершичского районов Смоленской области, которая отделяется от официальной границы между этими областями не более чем на 20 километров.

Здесь исторически сложился лингвистический ареал, не совпадающий с русско-белорусскими языковыми и национальными границами. Основными факторами, определившими формирование этого ареала, явились исторические геополитические сдвиги в результате многовекового противостояния Польско-Литовского и Московского государства, этнический состав населения (смешанный белорусско-русский; локальные и "рассеянные" поселения поляков), специфика белорусско-русско-польских языковых контактов.

В пределах могилевско-смоленского лингвистического ареала сложились относительно однородные говоры, которые белорусские лингвисты-ареологи (С.М.Прохорова, В.В.Сузанович) считают переходными, т.к. здесь происходит интерференция языковых систем - белорусской и русской.

Фразеологический фонд говоров могилевско-смоленского пограничья (ГМСП) отражает результаты белорусско-русского языкового взаимодействия и хранит следы польского влияния, имевшего место при формировании данного ареала.

Фразеологические единицы (ФЕ) переходных могилевско-смоленских говоров и соотносительные русские и белорусские фразеологизмы имеют общие компоненты, выраженные словами с затемненным значением и этимологией (некротизмами). Такие компоненты свидетельствуют об общих периодах развития языков или о межязыковых контактах.

А.С.Аксамитов приводит ряд белорусских и русских фразеологизмов, имеющих узкое инвариантное значение "бездельничать" и построенных по продуктивной модели "стержневое слово бить + существительное-некротизм во множ.числе".¹ И.Я.Лепешев считает, что глагольный компонент таких ФЕ "семантически пустой, вспомогательный, а

субстантивный выполняет смыслообразующую функцию".
(перевод наш - Л.Ш.).
ВЯ биць лынды+брынды+балды+байды +бибікі -
РЯ бить ланды+брынды+балды+байды - +баклужи

баклужкі
ГМСП бить лынды+брынды+балды+байдики +бизики+баклонки
рынды байды

Существительное лынды в белорусском литературном языке не употребляется, но оно сохранилось в белорусских юго-западных говорах со значением "ноги". По мнению И.Я.Лепешева, именно в этих говорах возникла ФЕ лынды биць, получив первоначально то же значение, что и фразеологизм ноги биць - "хадзіць без карысці", что подтверждается зафиксированным в белорусских толковых словарях разговорным глаголом лындаць "хадзіць без карысці". Позже в литературном языке этот фразеологизм приобрел и значение "бездельничать". Фразеологизм лынды биць И.Я.Лепешев считает белорусским, но в "Толковом словаре живого великорусского языка" В.И.Даля (СД) дан русский диалектный глагол лындать "скитаться без дела" и существительное лында "лентяй". Следовательно, эта ФЕ могла возникнуть и в русском языке, хотя здесь у нее иная внутренняя форма. В ГМСП фразеологизм лынды биць мог прийти как с белорусским, так и с русским языком вследствие их интерференции в данном лингвистическом ареале.

Существительное брында и фразеологизм брынды биць восприняты и русским, и белорусским языком из условно-профессионального языка ремесленников-шерстобитов, где брында назывался инструмент, которым отбивали сложенную слоями влажную шерсть при изготовлении войлока. В ГМСП употребляются ФЕ с субстантивным компонентом брынды и рынды.

Опираясь на показания СД, можно допустить, что ФЕ рынды биць возникла в жаргонной речи моряков из профессионального выражения бить брынду - "отбивать полдень тремя ударами колокола - рынды", т.к. оно допускает мотивацию, которая регулярно реализуется при образовании единиц данного фразеологического ряда: "делать работу, не требующую практических навыков или физического напряжения" - "бездельничать". Однако уместно предположить, что в ГМСП слово рынды является фонетическим вариантом компонента брынды, который возник в результате типичной для диалектов утраты первого звука начального сочетания согласных.

Значение некротического субстантивного компонента фразеологизма балды биць "просняется" в СД, где указывается, что в русских говорах существительные балда и балда имеют разные значения: "большой молот, кувалда", "увесистая деревянная колотушка", "трамбовка, ручная баба" и переносное значение "болван, балбес", "дурак, тупица". В ГМСП слово балда употребляется со значением "толстая палка, дубина". Следовательно, ФЕ балды биць имеет двойную мотивацию: 1) "делать работу, не требующую практических навыков" → "бездельничать" и 2) "ничего не делать из-за умственной отсталости" → "бездельничать". В ГМСП фразеологизм включает акцентологические варианты балды и балды.

И.Я.Лепешев считает фразеологизм байды бить общим для белорусского и украинского языков (в последнем есть и выражение байдики бити) и указывает, что устаревшее слов байда, как и родственное ему байдик, служили наименованием речных судов на Днепре и его притоках. В этимологии этой ФЕ, данной И.Я.Лепешевым, просматривается мотивация, типичная для единиц данного фразеологического ряда: "выполнять работу, не требующую значительных физических усилий" – "бездельничать". В ГМСР сохранилось существительное байд – "рыбачья лодка", поэтому можно предположить, что здесь фразеологизм байдики бить имеет белорусское происхождение, т.к. субстантив байдики может быть словообразовательным вариантом байды (ср. с укр. байдики бити, белорусская параллель которого, видимо, утрачена). Но в СД приводится южно-русский диалектизм байдак, байдак "озорник, шутник" и ФЕ байдаки бить – "шататься без дела", а в ГМСР употребительно существительное байд "непослушный ребенок". Фразеологический субстантивный компонент байдики может быть суффиксальным производным от байд, а сама ФЕ имеет мотивацию "нежелание трудиться из-за психических свойств личности" – "бездельничать". Итак, фразеологизм байдики бить, имеющий в белорусском и русском языках разную внутреннюю форму, в ГМСР появился в результате интерференции этих языков.

А.С.Аксамитов считает фразеологизм бибікі биць белорусским, хотя в русском языке есть ФЕ бибики не работают – "нет смекалки", а в русских говорах существительное бибик и производные от него являются наименованиями некоторых круглых предметов.³ В ГМСР зафиксирован фразеологизм бизики бить. В белорусском просторечии и в ГМСР известно слово бизики – "глаза" и выражение бизики выкаптить, синонимичное русской ФЕ шары выкаптить – "смотреть, широко открыв глаза от удивления". Значит, слово бизики по смыслу и употреблению соотносится с субстантивом бибики и является его диалектным вариантом.

Этимология русского фразеологизма бить баклуши общеизвестна. В ГМСР зарегистрирована ФЕ бить баклонки. Слово баклонки в свободном употреблении в наших говорах не отмечено. Можно допустить, что оно является диалектным словообразовательным вариантом субстантивного компонента баклуши. Таким образом, наличие в ГМСР фразеологизмов, соотносительных с ФЕ русского и белорусского языков, является свидетельством их взаимодействия в процессе формирования могилевско-смоленского лингвистического ареала.

Три "волны" польского языкового влияния оставили заметный след в белорусской фразеологии, куда из польского языка вошли готовые устойчивые выражения: шаркі на баркі, даць пудла, надаваць кухталя и др. В ГМСР пока зарегистрирован только один фразеологизм польского происхождения – сменять быка на индюка и его вариант поменять с быка на индюка – "обмануться, просчитаться" (ср. польск. Kwitać byka za indyka). Значительно больше ФЕ, имеющих в своем составе полонизмы двух видов – лексические и фонетические: ходить по панах, вантробы выесть, вометою выйде, беловой андарак; на едни, абяцанки-цацанки и др.

Из польского языка в белорусскую бытовую фразеологию вошли устойчивые выражения с лексическим полонизмом пан (польск. pan): жыць панам, хварэць на пана.⁵ Со времени подчинения белорусских земель Польше слово пан служило наименованием лица по его социальному положению и социально-субординативным наименованием лица для выражения отношений "хозяин - наемный работник". Именно второе значение отражено во фразеологизме ходць по панах (панам) - "работать по найму; батрачить", зафиксированном в картотеке "Словаря говоров могилевско-смоленского пограничья".

По свидетельству А.М.Булыки, лексический полонизм вантроба - "печень" проник в белорусский лексикон в 1-ой четв. XVII в. в связи с развитием медицины⁶ и претерпел на белорусской почве фонетические изменения: согласный призвук [п] праславянского носового гласного [g], сохранившегося в польском языке, развился в звук полного образования, а гласный [o] заменился на [a] в соответствии с белорусским аканьем (ср. ст.польск. watroba и ст.бел. вонтроба). В белорусском языке возник фразеологизм вантробы ад'есці "надакучыць каму-н.", соотносительный с русским сидит в печенках. В ГМСР нами отмечена ФЕ вантробы выгрызаць с отличным от белорусского глагольным компонентом.

В белорусской народной фразеологии известно устойчивое сочетание вомерам вылазіць - "адпомсціцца, не праходзіць бяследна"; в ГМСР этот фразеологизм отмечен с другим значением - "не пойти на пользу". В русских и белорусских говорах имеются варианты слова вомер: вомиг, вомига и омег, омиг, омига со значениями "горечь", "пересол", "отрава", "яд, ядовитое растение". А.В.Меркулова, изучавшая происхождение и продвижение этого слова в восточнославянские языки, установила, что оно восходит к латинскому vomitus - "рвота", которое было заимствовано польским языком (ср. производные от него в польском wumiotować, wumiotowy). Польский и белорусский языки стали центром распространения и однокоренного заимствованного слова vomica (ср.польск. omieg, womeg и др.), а в русские говоры оно пришло из этих языков, получив там новые значения.⁷ Следовательно, по одной из этимологических версий вомер - полонизм-транзитив (переданный из одного языка в другой при польском посредничестве).

Только в ГМСР нами выявлен фразеологизм на едні - "одинок": Мужык мой яшчэ у вайну памёр, дачка далёка, так і жыў на едні (Полошково, Клим., Мгл.). Мы допускаем, что это фонетический полонизм, т.к. праславянский корень *edīnъ в польском языке сохранил протетический [j] перед [e], а в восточнославянских языках (русском и белорусском) он утратился и произошла межслоговая диссимиляция гласных с заменой [e] на [o], ср. польск. jedna, pojedynczy, русск. одиноко и бел. адзінка. Появление в могилевско-смоленских говорах старославянского варианта этого корня с протезой [j] (ср. книжн. единый) представляется менее вероятным, чем закрепление полонизма с таким же звуковым составом.

Полный объем польского влияния на фразеологию ГМСР еще предстоит выявить, но и имеющиеся данные показывают, что оно было не менее значительным, чем на диалектную лексику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксамітаў А.С. Беларуская фразеалогія. Мн., 1978. С.209.
2. Лепешаў І.Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. Мн., 1981. С.20.
Далее даюцца спасылкі на мерненне І.Я.Лепешева, выражэннае ў
соотвештвующах словарных стат'ях яго "Этымалагічнага слоўніка..."
3. См.: Аксамітаў А.С. Беларуская фразеалогія, с.209.
4. Шэбнікова В.А. Экспрэссыўныя наіменаванія лід мужскага пола ў
смоленскіх гаворках // Актуальныя пытанні лексікалогіі ў гістарычным і
сінхронным асветенні. - Смоленск, 1995. С.98.
5. Фразеалогізмы польскага паходжання ўстаноўлены па кнізе
А.С.Аксамітова "Беларуская фразеалогія" (с.197, 212-215).
6. Булька А.М. Лексічныя запавычанні ў беларускай мове XIV-XVIII стст.
Мн., 1980. С.127.
7. Меркулова В.А. Із гісторыі назваў некотарых раслін // Этымалагічныя
даследаванні па рускаму мову. Вып.ІІІ. М., 1961.
С.18-19.